

У РАССТРЕЛЬНОЙ СТЕНЫ

НКВД

ПРОТИВ ВРАГОВ РОДИНЫ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

НКВД против врагов Родины

Сергей Зверев

У расстрельной стены

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

У расстрельной стены / С. И. Зверев — «Эксмо», 2018 — (НКВД против врагов Родины)

ISBN 978-5-04-090198-2

Еще подростком Матвей Дергачев ступил на путь непримиримой классовой борьбы. Гражданская война, продрозверстка, служба в отрядах ЧОН и ОГПУ сделали из деревенского паренька настоящего борца с разного рода контрой. А еще очень пригодились молодому чекисту навыки меткой стрельбы. Сам нарком обратил внимание на выдающиеся способности Матвея и перевел его на ответственную и сверхсекретную работу. Радости Дергачева не было предела, пока он не осознал, что стал самым настоящим... исполнителем «воли трудового народа».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090198-2

© Зверев С. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	27
Глава седьмая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Зверев

У расстрельной стены

© Терентьев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава первая

Москва, август 2016 года

На благородной зелени сукна, прикрывавшего столешницу старого письменного стола, орден Красного Знамени смотрелся неплохо. Слегка потертая материя колодки, соединительное колечко и сам орден, чуточку потускневший, но в более чем приличном состоянии, – все выглядело достойно и солидно. Вещица явно с историей, что выгодно отличало ее от несколько легкомысленной и частенько безликой унылости любой современной награды. Отличало, кстати, и в цене, что выражалась во вполне реальных, приятно хрустящих серо-зеленых американских купюрах. Наверное, на черном бархате этот орденок смотрелся бы еще лучше. Впрочем, какая разница – синий, голубой или лиловый, лишь бы не на красной подушечке, как сказал бы любой ветеран!

От созерцания пролетарского раритета меня отвлек звонок: дисплей аппарата любезно сообщал, что на невидимом проводе повис давний приятель, а временами и собутыльник, Макс – в миру Максим Евдокимов. Одним из неоспоримых достоинств Макса было то, что он почти никогда не беспокоил по пустякам, если уж звонил, то исключительно по делу.

– Привет, Макс! Что, где, когда и, главное, зачем?

– Здорово! Здесь, где же еще... Роуминг ныне дороже овса, старина! Ладно, не стану томить. Я тут в провинцию мотался – надо было для одного дамского журнальчика материальчик о славных людях и достопримечательностях седого Пскова написать. Древний Кремль, музеи и прочая красота, затерявшаяся в замечательных псковских лесах, за которыми прячется не менее симпатичная Прибалтика. Если совсем честно, то дыра еще та!

– Макс, давай уж как-нибудь покороче, хорошо? Про черные дыры России и окрестностей как-нибудь в следующий раз расскажешь!

– Да я могу и вообще помолчать! Подумаешь, какие мы занятые... Ладно-ладно, дружище, не сопи! Рассказываю: познакомился я там с одной старушкой презабавной, она в музее «Двух капитанов» Каверина ребятишкам рассказывает о нашем великом писателе и о героях славного прошлого: покорение неведомых далей, Севморпуть и так далее. В общем, про «бороться и искать, найти и не сдаваться» и прочих летчиков-моряков...

– А что, есть такой музей? Так все-таки чей конкретно – Каверина или «Двух капитанов»?

– Есть, старина, при местной библиотеке. И посвящен именно книжке! Но не о ней речь... В общем, осмотрел я экспонаты, поскучал, позевал и, как любимый тобой товарищ Бендер, несколько опрометчиво ляпнул, мол, музейчик, конечно, очень симпатичный, но «посидеть у вас со вкусом абсолютно не на чем. Одни садовые лоханки!». Выразился я, естественно, не совсем так, а гораздо витиеватее и тактичнее, но смысл моя «гранд-маман» все же уловила точно и мгновенно надулась. И даже слегка так обиделась...

– Макс!

– Понял, перехожу к самой сути! Разговорились мы. Я мадам порассказал про наши музеи, где можно увидеть и старое платье короля, и горшок королевы, и чертову ступу. К слову, упомянул и о серьезных коллекционерах, готовых выложить за интересный раритет очень даже приличные бабки. Это я, заметь, друг мой, и о тебе тоже!

– Лесть грубая и примитивная. Ты же знаешь, на голую блесну я не кидаюсь. Кроме горшка королевы есть что по-настоящему интересное?

– Да есть, есть! Какой вы, барин, право, нетерпеливый... Короче, напросился я к ней на чай.

– Ого! Да ты, я смотрю, делаешь успехи, чтобы провинциальная бабушка вот так запросто пригласила незнакомого человека к себе на чай, надо иметь недюжинное очарование и много чего прочего!

– Именно! И все это в наличии имеется, можешь не сомневаться. Я умею иногда с людьми правильно разговаривать – и особенно мне удается милых девушек за шестьдесят очаровывать! Так что понравился я ей – со мной это бывает. В общем, мы степенно пили чай и мило, чинно-благородно беседовали. И бабушка мне много чего преинтересного рассказала. И, заметь, друг мой, не только рассказала! Кое-что, не менее интересное, она и показала!

– Макс, что-то я не пойму: ты меня сейчас интригуешь или пугаешь?

В ответ мой собеседник хохотнул и уж затем, постоянно перепрыгивая с пятого на десятое, все же добрался до сути. Оказывается, бабушка, взяв с Макса честное благородное слово молчать ближайшие сто лет, показала моему приятелю «наган» с дарственной табличкой от самого наркома Ежова и поинтересовалась, сколько может сегодня стоить такая «железка». Вроде бы револьвер достался мадам от какого-то родственника, служившего в тогдашнем НКВД.

Во время рассказа Макс старательно прислушивался к моему голосу, явно пытаюсь уловить нотки настоящего интереса. Но я слушал почти молча, лишь изредка отделяваясь односложными репликами. Демонстрировать кому бы то ни было свой интерес в подобных ситуациях категорически не рекомендовалось, поскольку горький опыт давно научил меня малейшую заинтересованность тщательнейшим образом скрывать. В противном случае цена любой безделушки автоматически взлетала на поистине недостижимые вершины! Поэтому удовольствия Макс я, конечно же, не доставил, а вот историю о наградном «нагане» действительно выслушал с интересом. После чего демонстративно зевнул, эдак небрежно попросил «акулу пера и чернилницы» сбросить мне координаты псковской бабушки – так, на всякий случай – и нажал кнопку отбоя.

Легкий холодок, пробежавший между лопатками, подсказывал, что где-то совсем рядом бродит, мягко переступая мохнатыми лапками, госпожа Удача – хитрющий и пугливый зверек, которого древние римляне почему-то представляли в виде ветреной и взбалмошной бабы. По такому поводу можно бы и стопочку старого доброго виски! Впрочем, виски может и подождать...

Я включил ноутбук и быстренько набрал в поисковике давно знакомую фамилию. Ага, все верно: рядом с персонами известных палачей сталинских времен, товарищей Блохина, Магго и братьев Шигалевых, скромненько притулилась еще одна: Дергачев Матвей Федотович. Есть! Черт возьми, все сходится – по словам Макса, именно некий Дергачев М. Ф. и получил из рук генерального комиссара Госбезопасности Ежова наградной «наган» с соответствующей серебряной табличкой. И, наверное, было за что, просто так, за красивые глаза, наркомы револьверы направо и налево не раздаривают!

Здравомыслящему человеку понятно, что интернетовские источники – да и многие другие! – и соврут, недорого возьмут, но если хотя бы треть всех размещенных там историй правда, то наш дорогой товарищ Дергачев представляет для историков и прочих исследователей немалый интерес. Чекист, по слухам, собственноручно пустил пулю в лоб таким деятелям, как Тухачевский, Карахан, Уборевич, Якир, и многим другим товарищам попроще, должен быть настоящим монстром со стальными нервами. Или наш Матвей был достойным воспитанником «железного» Феликса – парнем с фанатичным огнем в глазах, всерьез верящим в мировую революцию и так же искренне полагающим, что он расстреливает настоящих врагов народа? Так кто вы, товарищ с «наганом» в крепкой пролетарской руке, – стальной монстр, не ведающий ни чувства жалости, ни сомнений, тупой садист или пламенный фанатик? Вопросы, вопросы, одни вопросы...

Пожалуй, было бы любопытно узнать и о том, почему старушка не сдала «наган» в милицию, как это предписывается законом? Там вроде бы сказано, что в случае смерти гражданина, имевшего на законном основании боевое оружие, этот ствол изымается милицией, полицией и прочими органами. Да и вообще, сдать государству ныне можно любой ствол – правда, за совсем смешные деньги. На «черном» рынке или у коллекционеров та же «пукалка» стоит гораздо дороже! Или бабушка по простоте своей не знала, да и знать не хотела о каких-то там статьях Уголовного кодекса? Ну, лежала дома памятная «железка», не шумела, есть не просила. Впрочем, имеется еще один вариант: револьвер был дорог «гранд-маман» как память о близком человеке, и плевать она хотела на все уголовные статьи.

А статья, между прочим, вот она: «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия...» До трех лет. И за перевозку, кстати, тоже! Ну, это ведь еще обнаружить надо... А я, подобно товарищу Бендеру, в известной степени чту Уголовный кодекс и, в случае удачи, отнюдь не намерен бегать по вагонам и размахивать грозным подарком печально известного наркома!

Ладно, об этом позже, что раньше времени загадывать. Будем решать задачки по мере их поступления. Кое-какой опыт в подобных щекотливых делах у нас все же есть. И, как сказал бы еще один из моих любимых персонажей, Бенья Крик, «пусть вас не волнует этих глупостей...» Вот интересно, а автора «Одесских рассказов», гражданина Бабеля, тоже наш пролетарий в расход пустил, или кто другой? Опять вопросы, черт возьми, а где взять ответы? Нет, определенно, нашу замечательную бабушку надо навестить, кто знает, может быть, именно она и расскажет что-нибудь интересенькое! Чем черт не шутит...

А вообще-то забавно: сейчас времена Гражданской войны очень многим кажутся такими далекими, почти как эпоха Ивана Грозного. И ветеранов Великой Отечественной-то мало осталось. А между тем даже я хорошо помню, как в моем нежно-зеленом детстве к нам в школу приходили еще очень даже бодрые участники той самой Гражданской! И было им тогда всего-то семьдесят с небольшим. Рассказывали через пень-колоду, как «рубали белых шашками на скаку». А мы им песни про Орленка пели, а после уроков бежали «Неуловимых мстителей» смотреть. Да, бежит времечко – совсем как конармейская тачанка! Несется, гремит, на ухабах подпрыгивает – только пыль веков столбом.

Так, решено – надо ехать! Теперь, господин всезнайка по имени Интернет, расскажи-ка, как нам, грешным, добраться до этого трижды седого Пскова? Самолетом не хочу, автобусом тем более... Ага, поезд – совсем хорошо! «Наш паровоз вперед летит...» С Ленинградского вокзала каждый божий день: вечером заваливаешься спать, а утром уже на месте. Теперь надо определиться, когда ехать-то... Я, конечно, художник более чем свободный, но просто так все бросить и рвануть куда-то в деревню, в глушь, в Саратов, то бишь во Псков-град, не могу. Есть парочка дел, встреч, и откладывать их никак нельзя! А вот в пятницу я совершенно свободен. Значит, решено: заказываем билет на пятницу. И, естественно, никаких общих вагонов-скотовозов и плацкарты – только купе! Хоть выспаться по-человечески можно будет, если, конечно, соседями не окажутся в зюзю пьяные селяне!

Но прежде надо не только с неотложными делами разобраться – надо крепко подумать, как при встрече не отпугнуть мадам и заставить ее поверить в серьезность и добрые намерения еще одного московского гостя. Очаровывать, подобно Евдокимову, я, честно говоря, не умею. Значит, надо отыскать людей, связанных с музейными делами, и договориться о высоких рекомендациях приличных господ, чтобы бабушка, по крайней мере, хотя бы выслушала меня для начала. А там уж по обстановке и общему настроению сориентируемся...

Великое дело – связи! Ну, ничего не меняется в нашей стране, какие бы времена ни настали. Как лет тридцать назад негромко сказанное: «Я от Сергея Владимировича!» – открывало любые двери и служило пропуском в особый мир, где царствовали люди, способные достать

любой дефицит и решить любую проблему, так и ныне слово солидного человека может творить поистине чудеса.

По своим каналам я нашел-таки людей, имеющих прямое отношение к миру хранителей музейных редкостей. Как оказалось, мир этот не менее тесен, чем любой другой. Мало того, мне удалось выйти на человека, лично знакомого с моей псковской «гранд-маман», и заполучить от него обещание позвонить бабушке и попросить ее о максимально возможном содействии «консультанту, частенько оказывающему работникам московских музеев неоценимые услуги».

Также было обещано отрекомендовать меня как «очень приличного и серьезного молодого человека», которому можно всецело доверять. Молодым, конечно, я был лет двадцать назад, но если речь идет о бабушке под восемьдесят, то вполне подойдет и такая формулировка...

Вообще-то вокзалы всех разновидностей я ненавижу с детства. Сейчас, к счастью, порядка стало заметно больше, но я-то хорошо помню эти «храмы дорог и путешествий», какими они были в недавнем прошлом. Бестолковая суeta, очереди и липкая грязь буфетов, табачная и сортирная вонь в коридорах, масса подозрительных нетрезвых личностей – все это создавало атмосферу нервную, неприятную и рождало непреодолимое желание как можно быстрее оказаться подальше от всей этой «красоты».

Ко всем вокзальным радостям надо бы, пожалуй, добавить и лениво прогуливающих милиционеров и сменивших их полицейских с цепкими взглядами и длиннющими дубинками. Не отягощенные утонченным воспитанием парни в форме всегда вызывали у меня ассоциации с плавно кружащимися в небесах каких-нибудь Кордильер кондорами-стервятниками.

Нет-нет, я, конечно же, не считаю продажными мерзавцами и «оборотнями» всех полицейских – и среди них хватает нормальных, порядочных мужиков. Но лучше все-таки с этими ребятами без особой надобности не пересекаться, поскольку не стоит дразнить судьбу и будить лихо – пусть и дальше оно тихо дремлет где-нибудь в сторонке...

Ладно, все это лирика пустопорожняя, мне сейчас надо о другом думать. Билеты, дорога – все это мелочь и ерунда, не стоящая внимания. Надо прикинуть, как с обладательницей предполагаемого сокровища контакт налаживать. Да-да, именно сокровища, поскольку есть среди коллекционеров господа очень и очень обеспеченные и готовые выложить за стреляющую «железяку» с такой историей сумму, во много раз превышающую смешные две тысячи рублей, предлагаемые нашим щедрым государством. И сумма эта с лихвой покроет и дорожные расходы, и затраты нервных клеточек, которых потребует мое предприятие, и прочие неудобства.

Хорошо Максиму, у него действительно просто талант очаровывать девушек за шестьдесят. Я так, к сожалению, не умею. Так что придется очень постараться: и галантность проявить, и искренний интерес к старушечьим рассказам о ее, конечно же, трудном послевоенном детстве, и сетованиям на нынешнюю дороговизну и маленькую пенсию посочувствовать. Слезу пускать не станем – это лишнее, но все прочее, пожалуй, придется танцевать по полной программе! Там заодно и выясним, кто же я – махровый сталинист, страстный сторонник общества «Мемориал» или монархист, обожающий «Боже, царя храни!». Да я хоть махновцем стану, лишь бы бабушке понравиться!

Глава вторая

Псков, август 2016 года

С неотложными делами удалось управиться меньше чем за день. Остальные могут и подождать – срок годности у них относительно приличный. И, пожалуй, главным пунктом программы стала встреча с неким господином Глумским – весьма симпатичным интеллигентным старичком, столь любезно согласившимся дать мне рекомендательное письмо и стать кем-то вроде поручителя в будущем предприятии. Нет, не перевелись еще у нас святые люди, умеющие творить добро так запросто и безвозмездно!

В пятницу я, согласно утвержденному плану, прибыл на вокзал. Правда, приехал практически к самому отправлению поезда – и это, увы, уже было не частью программы, а всего лишь данью отвратительной привычке.

Несколько минут формальностей в виде общения с миловидной, но не очень-то приветливой проводницей, и вот наконец-то настал первый приятный момент путешествия, когда состав едва ощутимо дернулся, и перрон плавно поплыл мимо окон.

С попутчиком мне явно повезло: молодой мужик хотя и похрапывал всю ночь, но знакомиться-брататься не лез, выпить не приглашал, болтовней не донимал. Всего лишь буркнул, что зовут его Виталием, потом пару раз сбегал в тамбур покурить, а затем завалился спать. Занятие, скажем прямо, не только приятное, но и полезное...

Псков встретил нас погодой довольно-таки сносной, вокзалом – естественно, выстроенным в строгом и приятном глазу стиле классицизма! – относительно чистым и какой-то по-особому уютной провинциальной неспешностью. Первое, что мне бросилось в глаза, была памятная табличка, сообщавшая, что именно здесь, на станции Псков, «в марте семнадцатого, в салон-вагоне царского поезда, император Николай II отрекся от престола Государства Российского».

Значит, в этом симпатичном месте Николай одним росчерком карандаша решил и судьбу России, и свою. Да, наверное, не очень-то сладко пришлось в те дни мужику – не корову продавал, а необъятную державу братцу отписывал. Скажем прямо, погорячился парень! Хотя, как сказал товарищ Пьюзо, сочинивший знаменитый роман об американских бандитах, видимо, генералы и министры сделали Николаю Александровичу предложение, от которого он не смог отказаться...

Поскольку здравый смысл подсказывал, что вряд ли стоит рисковать, разъезжая по Пскову на маршрутке, я решил воспользоваться услугами шустрых таксистов.

Местный джигит улыбнулся дружелюбно и широко распахнул дверь почти новой иномарки: «Москва? Добро пожаловать в наш старый Псков! Куда ехать будем? Гостиница? Нет? Октябрьский проспект? Знаю, дорогой, да! Слушай, хорошо поедем, быстро доедем. Совсем недорого, да!»

Машина резво рванула с места и влилась в не очень плотный поток. Как же все-таки хорошо в деревне: простор, зелень, река, милая патриархальность, и пробок практически нет! Век бы в таком местечке жил! И квартиры здесь, наверное, копейки стоят. Эх, рад бы в рай, да грехи, грехи наши тяжкие!

Въехали на большой мост через Великую – за рекой открылся совершенно чудный вид на Кремль: старинные башни под треугольными шатрами, стены, а над стенами высился бело-снежный собор, посверкивающий золотыми маковками. Правда, красота эта промелькнула быстро и вскоре осталась где-то позади. Затем мимо окошек такси проплыла центральная площадь – естественно, имени Ленина, с соответствующим памятником вождю мирового пролетариата. Ну, надо же – жив, курилка! Хотя на местах, наверное, власти и народ всегда меньше

подвержены революционному психозу – вечной причине погромов и идиотской страсти что-то там сносить и разрушать до основания. А дальше поплыли обычные дома с неизбежными магазинами, занимавшими первые этажи, и прочая ерунда – так, ничего особенного. Так и запишем: городок приятный! Насчет же людей – посмотрим.

Музей при библиотеке, из-за маленькой башенки на крыше напоминавшей здание небольшого аэропорта, в выходные, к счастью, работал. Я без особого интереса осмотрел высившуюся во дворе скульптуру полярного летчика – вероятно, того самого Сани Григорьева, героя некогда невероятно популярной книжки «Два капитана» – и вошел внутрь, где надеялся отыскать совсем другой персонаж истории новейшей: госпожу Корнееву.

– Здравствуйте, девушка! Простите, вы не подскажете, где я могу найти Анну Георгиевну Корнееву?

– Анну Георгиевну? – Миловидная девица, явно не вчера отметившая тридцатилетие, чуть наклонила голову и слегка взмахнула ладошкой: – Вон та дверь, видите? Думаю, она сейчас там!

За указанной дверью оказался музей товарищей Григорьева и Татаринова – действительно, довольно-таки простенький, – но братья-полярники сейчас интересовали меня как раз меньше всего. Ага, а вот, похоже, и наша владелица исторического «нагана»: смотрит на меня строго и вопросительно – совсем как завуч, увидевшая на пороге учительской заглянувшего туда разгильдяя-ученика. Ну что, на вид вполне себе приличная дамочка лет семидесяти. Впрочем, нет – наверняка и с солидным хвостиком. На старуху-процентщицу вроде не похожа – может быть, и удастся договориться миром. Ладно, что гадать – посмотрим...

– Анна Георгиевна? Добрый день!

– Здравствуйте, – сдержанно кивнула старушка и вопросительно дернула бровью: – Вы ко мне?

– К вам, к вам, Анна Георгиевна! Я – Алексей Николаевич Забелин, друг Максима Евдокимова, недавно вы встречались с ним. Максим очень, очень тепло отзывался о вас! – Я изобразил одну из самых своих обаятельных улыбок и добавил: – Так мне и заявил, что сегодня только вдалеке от Москвы и можно встретить по-настоящему интересных, интеллигентных людей, думающих не только о деньгах и всякой престижной ерунде и живущих без нашей дурацкой и мелочной суеты. Скажу вам честно, в вашем городе я всего ничего, но уже вижу, что мой приятель, похоже, во многом прав. Старый Псков поистине прекрасен!

– Да, город наш красив. – Тонкие губы старушки, слегка подведенные помадой, тронула легкая улыбка, правда, с явным скептическим оттенком. – Но, думаю, до Москвы ему все же далековато. А интересных и интеллигентных в столице найдется уж точно побольше, чем у нас, так что ваш друг, конечно же, преувеличивает.

– Ну, если и преувеличивает, то, поверьте, самую малость. – Я вновь попытался проявить галантность и воспитанность. – Кстати, насчет по-настоящему интеллигентных москвичей вы, Анна Георгиевна, конечно же, правы. Буквально на днях я встречался с Львом Борисовичем Глумским – милейший человек и прекрасный специалист, эрудит, умница. Он обещал вам позвонить и предупредить насчет меня. Ах да, совсем забыл: вот он и письмецо для вас вручил – нечто вроде рекомендации...

– Что же вы сразу-то не сказали, – заметно смягчилась дама, возвращая письмо. – Как же, как же, был звонок. Так вы и есть тот самый консультант и серьезный молодой человек? И чем же, собственно, я могу вам помочь?

– Да, честно говоря, Анна Георгиевна, даже и не знаю, с чего начать. – Сейчас на моем лице Корнеева без особого труда могла прочесть серьезность и озабоченность. – Видите ли, Максим не только очень тепло говорил о вас как о женщине прекрасно образованной, умной и гостеприимной, но и поведал мне о кое-каких подробностях вашей встречи. И, поверьте, мне

очень не хочется вас расстраивать, но, по-моему, вам могут грозить некоторые, хм, неприятности.

– И вы примчались из столицы, чтобы предупредить меня о них? – Взгляд старушки мгновенно из приветливого превратился в колючий и настороженный. – Это какие же неприятности могут грозить одинокой старухе, давно ни для кого не представляющей интереса? Молодой человек, а может быть, вы из милиции – или как их там сегодня называют?

– Нет-нет, не беспокойтесь – к полиции я не имею ни малейшего отношения! Вы правы: естественно, я приехал по своим делам, но решил вот заглянуть и к вам. Дело в том, Анна Георгиевна... Мы можем здесь говорить откровенно? А может быть, поблизости есть какое-нибудь кафе или еще что-то подобное?

– Как вас – Алексей? Так вот, Алексей, никуда я с вами не пойду! И, пожалуйста, прекратите говорить загадками. Еще раз спрашиваю: что вам от меня нужно?

– Анна Георгиевна, да не волнуйтесь вы так. – Теперь я улыбался виновато, и весь вид мой свидетельствовал о глубочайшем смущении и раскаянии в том, что я заставляю пожилую даму нервничать. – Абсолютно ничего страшного! Какой же я дурак, – похоже, всерьез напугал вас. Извините, ради бога, мою неуклюжесть! На самом деле все очень просто... У вас есть некая вещица. Я хочу купить ее у вас. За хорошие деньги. Думаю, у вас не очень большая пенсия, не так ли? Кстати, а вы знаете, что за хранение огнестрельного боевого оружия полагается уголовная статья, и довольно серьезная?

– Нет, молодой человек, этими глупостями я никогда не интересовалась. И хватит меня запугивать!

– Да что вы, право, ну какое запугивание? – А вот сейчас самое время подпустить сочувствия и легкой печали. – Вы же сами видите, как оно все складывается! Вы так неосторожно доверились и пооткровенничали с Максимом – и это еще очень хорошо, что на его месте не оказался еще более болтливый человек. Нет-нет, простите, я оговорился – к счастью, наш Макс не трепло, и с этой стороны вам решительно ничего не угрожает. Я тоже, уж поверьте на слово, никогда и никому ни звука. Но жизнь, знаете ли, престранно устроена: одно неосторожное слово, оброненное, допустим, по пьянке – причем, без малейшего злого умысла, – и вот уже неприятности в виде полиции или еще кого похуже стучатся в дверь...

Я замолчал, давая даме время на осознание информации и для медленного привыкания к мысли, что коли уж карты легли столь неудачно для нее, то лучшим выходом из сложившейся ситуации будет прислушаться к словам арии московского гостя и... пойти навстречу его просьбе. То есть не будить лихо, пока оно тихо, а продать за приличные для провинции деньги свою реликвию и далее жить спокойно, тихо и без малейших проблем. А уж в том, что в случае несогласия на нее свалятся немалые неприятности, думаю, мне мадам Корнееву убедить вполне удалось. И она сейчас наверняка прикидывает, что маленький гешефт все же лучше визита грубых и неотесанных мужиков в полицейской форме.

– Вот же, дура старая! – негромко произнесла моя собеседница, сокрушенно вздыхая и покачивая головой. – Как чувствовала, что ничем хорошим это не закончится. Но этот ваш Макс был так обходителен, так внимателен... Прямо цыганский гипноз какой-то! И сама не заметила, как все рассказала этому мерзавцу.

– Да, наш Макс такой, – с мягкой улыбкой кивнул я и, внутренне ликуя по поводу того, что «лед тронулся, господа присяжные заседатели!», продолжил: – Анна Георгиевна, я так мастерски входить в доверие и уговаривать мудрых дам не умею, поэтому буду с вами откровенен. Думаю... нет, уверен, что некая сумма наличными гораздо приятнее, чем совершенно конкретная куча проблем. И эту сумму вы можете получить прямо сегодня. А уж я клянусь вам чем угодно, что никто и никогда не узнает о нашей маленькой сделке. Я, знаете ли, не Максим – я умею и молчать, и слово держать! Дабы развеять последние ваши сомнения, я готов вам показать паспорт и дать свой телефон. Мне нечего скрывать, я человек, уж простите

за нескромность, порядочный и серьезный. Думаю, вы прекрасно знаете, что Лев Борисович ни под каким видом не стал бы рекомендовать жулика и проходимца.

– И вы еще толкуете мне, что не умеете уговаривать! – Корнеева еще разок вздохнула и вдруг насмешливо улыбнулась: – Что ж вы не воспользовались еще одним козырем: мол, долго ли тебе, старухе, осталось? Да ладно вам, не надо лукавить и руками махать! Мне, между прочим, семьдесят восемь. Да-да, молодой человек. А здоровье в этом возрасте, сами понимаете: давление, болячки и так далее. Так что, пожалуй, вы правы. Нет, моя доверчивость точно меня погубит! Но вы же не оставляете мне выхода, не так ли?

– Анна Георгиевна, голубушка, выход всегда есть. – Я изобразил на лице нечто вроде философской грусти. – Но, поверьте, я предлагаю вам лучший из вариантов этого самого выхода. Вы расстаетесь с опасной штуковиной, получаете хорошие деньги, а я просто исчезаю из вашей жизни. Все тихо, мирно и красиво. И вы продолжаете жить спокойно и работать в этом замечательном музее. Видите, как здорово все складывается!

– Ох, москвичи, москвичи... Поди, обманете старуху? – На лице Корнеевой появились явные признаки мучительных сомнений и раздумий, видимо, дама уже прикидывала, как ей поудачнее повернуть предлагаемую сделку и не остаться в дураках. Похоже, с мыслью, что ей придется расстаться с реликвией, она уже внутренне смирилась, что как раз свидетельствует о ее умении логически просчитывать варианты и выбирать действительно наиболее приемлемый. Так что, судя по всему, ни о каком маразме тут не может быть и речи, несмотря на упомянутый более чем почтенный возраст. Всем бы нам в такие лета да такие мозги...

– Нет, Анна Георгиевна, не обману. Вот, пожалуйста, мой паспорт! И телефон – можете прямо сейчас записать.

– Да на что мне ваш паспорт, – досадливо отмахнулась мадам. – Даже если он и фальшивый, я в этом ничего не понимаю. А в телефоне вы нынче же поменяете симку, и ищи вас, свищи! Я же не совсем дура – кое-что все же понимаю. Бог с вами, Алексей Николаевич Забелин, считайте, что уговорили, уломали старуху. Как же нам все это... Так, все же давайте-ка мне ваш паспорт! Мы сделаем так: я его сейчас положу в надежный конверт, заклею и отдам моим девочкам. Согласны? А потом – когда все завершится – мы вернемся, и вы получите свой документ. Мы тут, знаете ли, хоть и не большие знатоки всяких премудростей, но детективы тоже иногда смотрим. Если вас это устраивает, то прямо сейчас мы едем ко мне домой – не на улице же нам военными «железками» размахивать!

Глава третья

Псков, август 2016 года

Корнеева вложила мой паспорт в плотный конверт, заклеила и, с улыбкой извинившись, торопливо вышла из помещения. Я ничуть не сомневался, что сейчас она оставит мой «аусвайс» кому-либо из своих коллег – может быть, той самой миловидной девице, с которой я столкнулся в холле, – и таинственно шепнет, что отправляется на встречу с неизвестным. И, конечно же, не преминет добавить, что в случае чего этот конверт следует незамедлительно отнести в полицию. Возможно, условится о контрольных звонках через определенные промежутки времени. Ай да старушка! Молодец, мадам Корнеева! Или молодчина? Да какая, собственно, разница... Да, это уж точно: и в провинции девушки детективы смотрят, учатся потихоньку. И это правильно, как тонко заметил один велеречивый господин, некогда разваливший мощную державу по имени СССР.

Еще через десять минут мы с мадам Корнеевой без особой спешки ехали в такси по направлению к улице Труда – именно такой адрес бабулька назвала таксисту. Снова я увидел памятник Ильичу и Кремль, в районе которого мы повернули направо. Вскоре машина тормознула у подъезда самой обычной девятиэтажки, я расплатился с водителем, и мы с «гранд-маман» проделали оставшийся путь в кабине лифта – вполне, кстати, современного и комфортабельного.

Корнеева позвякала связкой ключей, дверь распахнулась, и я сразу же оказался в году примерно восьмидесятом – вся обстановка в квартире соответствовала этой славной дате, которая многим россиянам памятна по Олимпиаде и милой мордашке олимпийского медвежонка. Старенькие обои, мягко говоря, винтажная мебель и все прочее говорили о том, что пенсия моей дамы явно недотягивала до зарплаты депутата Госдумы. Единственной современной вещью в этой однокомнатной квартирке был телевизор. Ну, это, впрочем, вполне естественно – чем еще заниматься одинокой старушке долгими вечерами. То, что Корнеева была в данный момент одинока, догадаться было нетрудно.

– Вы располагаетесь, а я пока чайник поставлю. – Хозяйка квартиры вышла из комнаты, и тут же в кухне послышался шум воды, бегущей из крана. Черт возьми, надо было хотя бы в магазин какой по пути заскочить – тортик купить, конфет, еще чего-нибудь! Нехорошо в гости с пустыми руками. Ладно, этот прокол-пробел мы исправим-восполним на обратном пути, только бы не забыть. Куплю я тебе, милая, пуд сладостей и фунт пряников медовых, ты только не обмани мои трепетные ожидания!

Не обманула: после того как мы чинно-благородно пригубили чайку, Анна Георгиевна со вздохом поднялась, покопалась в книгах, теснившихся на полках старого шкафа с застекленными дверцами, и протянула мне тяжеленькую жестяную коробку. На крышке с надписью «Москва» красовались Спасская башня Кремля и собор Василия Блаженного. На боках виднелись потертые изображения Большого театра, столичных вокзалов и прочих достопримечательностей. В глаза бросилась надпись: «Главный павильон ВСХВ» – Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Насколько помню, где-то в конце пятидесятых она была переименована в ВДНХ. Да, старая вещица...

Еще через минуту на моей ладони лежал практически новенький «наган» с клеймом Тульского завода: стрела внутри звездочки. Дата производства – 1934 год. Но это все ерунда! Главное заключалось в потемневшей серебряной табличке, на которой гравер красиво вывел следующую надпись: «Дергачеву М.Ф. за верность делу партии Ленина – Сталина. Нарком, ГКГБ Ежов Н. И.». С поста наркома Ежова скинули, кажется, в конце тридцать восьмого, так

что «наган» вручен Дергачеву явно до того, как генеральный комиссар Госбезопасности получил пинка от всесильного вождя...

– Нравится? – грустный голос Корнеевой вернул меня в день сегодняшней и отвлек от созерцания поистине бесценного раритета.

– Да, очень! – не стал я лукавить и, взвешивая револьвер на ладони, добавил: – Что-что, а оружие на Руси всегда умели делать – красивая вещь!

– И опасная, – хмыкнула старушка и деловито поинтересовалась: – Как же вы ее повезете-то? На вокзалах ведь, наверное, эти... металлоискатели и другие приспособления. И полиция тоже. Сами-то не боитесь?

– Ну, насчет перевозки вы не беспокойтесь – есть надежные способы. Вы только не подумайте, я не какой-нибудь криминальный торговец оружием – ни боже мой! Я всего лишь... В общем, что-то вроде коллекционера. И клянусь вам чем угодно: этот револьвер практически никто и никогда не увидит! И хорошо, что он без патронов – так, думаю, и вам, и мне будет спокойнее. Так, а это что у нас?

В углу коробки притаилась коробочка совсем малюсенькая – в такой могло бы храниться, например, обручальное кольцо. Вот только золота мне и не хватало! Нет, не золото... В картонном хранилище покоилась пуля – тусклый кусочек металла. Точно не от «нагана» пулька. И не от «ТТ». Скорее от немецкого «парабеллума». И что это означает? Пуля, некогда ранившая хозяина револьвера и оставленная им на память? Да что гадать – теперь уже не у кого спросить. Я не без сожаления оторвался от внимательного рассматривания уже почти моих реликвий и предложил даме:

– Анна Георгиевна, сейчас я вам отдам деньги. Если хотите, можете тут же отнести их в свой банк, а я подожду вас где-нибудь во дворе или еще в каком месте – как вы скажете. Думаю, так вам будет спокойнее, и вы сами сможете убедиться, что у меня и в мыслях нет обмануть вас или сделать еще что нехорошее! – Я улыбнулся, достал бумажник, отсчитал шесть пятитысячных купюр и положил на стол, намеренно придавая им форму веера – это создавало иллюзию вполне солидной суммы. – Надеюсь, этого хватит?

– Наверное, хватит. – Вопреки ожиданиям, Корнеева почти не обратила внимания на деньги и, устало махнув рукой, добавила: – Цен я не знаю, да и знать не хочу, а вы ведь все равно свой интерес соблюдете, – хорошо, если половину цены дадите. Да и бог с ним, с этим пистолетом, – зачем он мне, старухе? И ни в какой банк, как вы выразились, я не побегу, нечего мне бояться. Я же не старуха-процентщица, сокровищ у меня нет, да и вы не очень-то похожи на глупого студента...

Она несколько секунд помолчала, думая о чем-то своем, потом сделала пару глотков остывшего чая и, словно на что-то решаясь, кивнула, думаю, своим мыслям. Затем встала и вновь направилась к книжному хранилищу, созданному славными советскими мебельщиками примерно лет сорок назад. Назад моя дама вернулась не с пустыми руками – на стол легла пухлая тетрадь, живо напомнившая мне ныне забытое слово «гроссбух».

Да-да, передо мной лежала именно «большая книга», сшитая из нескольких тетрадей – как толстых, так и обычных ученических. Даже абсолютно непосвященному человеку сразу стало бы ясно, что книге не пять и даже не двадцать лет, с потрепанной обложки на меня с явным подозрением смотрел сам товарищ Сталин, а рядом с портретом красовалась цитата о большевиках, умеющих преодолевать трудности.

Я осторожно открыл страницу, затем следующую... Да нет, такого просто не может быть! Потому что не может быть никогда. Наверное, точнее классика в подобной ситуации еще никто не сказал – у меня действительно в зобу дыханье сперло, и я, похоже, на целую минуту забыл, что живому человеку природой положено дышать.

«Матвей Федотов Дергачев. Дневник. 1921 год, сентября 14-го дня...»

Старые, пожелтевшие страницы, заполненные не очень-то разборчивым почерком. Множество вклеенных вырезок из старых газет. Мои глаза задержались на одной из них: «Известия» за 19 сентября 1924 г. «Гражданская война в Китае. Нота тов. Карахана китайскому правительству».

Черт подери! Если в «гроссбухе» содержатся хоть какие-то сведения о службе и, хм, несколько специфической работе Матвея, сына Федотова, то... Да эти записки вообще не имеют цены. «Наган» – даже с такой историей, – мягко говоря, бледнеет перед подлинным дневником товарища Дергачева. Того самого Дергачева – теперь у меня в этом не было ни малейших сомнений. Да, ребята, это вам не фальшивые воспоминания фрейлины Ея Величества!

– Алексей...

Голос Корнеевой вернул меня к действительности. Анна Георгиевна вновь сидела напротив меня и, разливая свежесваренный чай, что-то говорила. Я, замороженный страницами старой тетради, не сразу смог переключиться и отвлечься от своих мыслей, а когда, наконец, встряхнулся и прислушался, то понял, что старушка решила поведать мне несколько интересных фактов из своей жизни. И такая безысходная тоска и горечь читались в глазах этой пожилой женщины, что у меня просто язык не поворачивался прервать ее хотя бы одним неосторожным словом. Да что там словом – я и до чашки с чаем боялся дотронуться, дабы не спугнуть робкую птичку по имени «доверие», робко присевшую на краешек старого круглого стола, застеленного скромненькой скатеркой.

– Я прожила довольно долгую и не самую легкую жизнь. Да и у кого из простых людей она была легкой и веселой?! Родилась в тридцать восьмом. А маму арестовали в тридцать седьмом. Хотя беременных вроде бы арестовывать было запрещено. Не знаю, как уж там все было.

Первое время я была с мамой – наверное, при лагере были ясли или нечто подобное, – а потом был детдом для детей врагов народа. Вот детдом я уже помню хорошо. Разное, конечно, было. И дети сволочи попадались, и воспитатели. Бедно очень и голодно было, почти всегда хотелось есть. В сорок седьмом, помню, совсем худо стало... Почти все мечтали только об одном: вволю наесться простого черного хлеба. Сегодня это странно и дико звучит, но в те годы все было именно так.

В конце сорок восьмого, слава богу, с детдомом я распрощалась, нашлись родственники и забрали меня к себе. Тоже, конечно, всякое было, но все-таки не детдом. Потом учиться пошла – в техникум библиотечный. Стипендия крохотная, одежка даже не на рыбьем меху – просто, можно сказать, из воздуха. Это уже после смерти Сталина было – в пятьдесят пятом. Жить стало полегче, но ненамного. – Старушка вдруг оживилась и слегка улыбнулась: – Как-то раз с подружкой после занятий бежали в общежитие. И вдруг увидели мы квадратик печенья в луже. Светлый такой, из настоящей белой муки, и совсем уже размокший, видимо, кто-то с ребенком гулял, а тот и уронил. Мы замедлили шаг, посмотрели и дальше пошли – неловко же, мало ли кто увидит. Прошли сколько-то там, переглянулись... да и назад побежали. Бежим и переживаем – как бы нашу печенюшку не успел кто другой поднять! Нет, прибежали – она на месте. Схватили мы ее, разделили по-честному, да и... – Тут голос Корнеевой вдруг прервался, и я, вскинув на секунду взгляд, заметил на ее глазах слезы. – Не могу! Как вспоминаю все те годы, так сразу плакать начинаю. Простите уж старуху... И вы мне сейчас не поверите: а жить все равно было веселей как-то, светлей! И надежда была на что-то непременно очень хорошее! Наверное, просто молодыми были...

И, знаете, Алексей, нет сейчас во мне ни злобы, ни ненависти – лишь сожаление, горечь и... недоумение: неужели я действительно представляла для этой могучей страны какую-то опасность? СССР – громадная на то время держава, с ее армией и пушками, и я – крохотная пылинка! Какая-то пылинка – и вдруг враг многомиллионного народа! Бред какой-то... Утомила я вас?

– Да нет, ну что вы – мне и в самом деле очень интересно! – Я не лукавил – мне действительно было не скучно и ничуть не утомительно слушать рассказ Корнеевой. Сколько сегодня осталось живых свидетелей тех событий, не думаю, что так уж много. И то, что сейчас вспоминает эта старушка, как раз и есть та самая настоящая правда, не приукрашенная ни журналами, ни режиссерами, ни прочими псевдознатоками. Просто жизнь. Примерно такую же прожили и мои родители. Мое поколение уже о куске хлеба не мечтало – нам-то жить было действительно лучше и веселей!

– Кто-то сказал, что дни длинные, а жизнь короткая. – Анна Георгиевна грустно усмехнулась и провела ладонью по скатерти, словно подводя черту под той самой коротенькой жизнью. – Сколько у меня ее осталось... Так уж сложилось, что ни семьи, ни детей, ни родственников, даже самых дальних. Вроде бы и не самая страшная из всех девчонок была, а вот не получилось. Может быть, и правда есть что-то вроде венца безбрачия? Или проклятия... Я к чему все это говорю-то? Одна я. Случись что, даже хоронить чужим людям придется. Нет-нет, не пугайтесь! – Видимо, промелькнуло на моем лице или во взгляде нечто похожее на недоумение, что заставило мою даму улыбнуться и вскинуть ладошку в успокаивающем жесте. – Я не собираюсь вам навязываться! Я совсем о другом. Знаете ведь, как это бывает: умирает человек, а старые фотографии, книги и тому подобное новые жильцы выкидывают на помойку. Наверное, не раз ведь видели такую картину. Согласитесь, есть в этом что-то противоестественное и жутковатое. Так вот, я же вижу, что эти записи вам по-настоящему интересны...

Корнеева сделала паузу. Я тоже не спешил что-либо говорить, посмотрим, куда она все это дело вырулит. Если цену сумасшедшую не заломит – так вопроса нет, я с превеликим нашим удовольствием!

– Я отдам вам эти бумаги, – без какого-либо сожаления в голосе снова заговорила она. – Или, если вам, учитывая нынешние реалии, так будет спокойнее и проще, – продам. Чтобы вы не испытывали неловкости. Половина того, что вы отдали за пистолет, вас не разорит?

– Да уж как-нибудь переживу, – разводя руками, улыбнулся я. Внутри же у меня все ликовало: такие документы на деле могут стоить как минимум на порядок дороже! Поскольку железо, как известно, надо ковать быстро и вовремя, то, опасаясь, как бы моя старушка не передумала, я быстренько отсчитал купюры и выложил на стол. – Спасибо вам! Можете быть уверены, этот архив будет в надежных руках.

– Но, Алексей, у меня все же есть одно условие, – неожиданно твердо заявила Корнеева. – В ближайшие два-три года этот дневник нигде не должен всплыть! Да и позже – как бы вы им ни распорядились, мое имя упоминаться не должно! Никогда и ни при каких обстоятельствах.

– Хорошо, обещаю вам, что все ваши условия я выполню в точности! – И снова я не лукавил, поскольку в ближайшее время не собирался продавать ни «наган», ни, тем более, бумаги.

– Вот и славно, – кивнула она и, окинув взглядом стол, предложила: – Еще чайку? У вас когда поезд – или на чем вы добираться будете?

– Нет, Анна Георгиевна, спасибо! Я и так, похоже, немного злоупотребил вашим гостеприимством. Поезд у меня вечером, но, как вы понимаете, мне еще о кое-каких вещах надо позаботиться, да и в музей нам надо будет заехать – успокоить вашу милую девушку.

– Да-да, конечно! – как-то неловко засуетилась старушка, и я вдруг отчетливо понял: не хочется ей расставаться с гостем. Да, старость и одиночество и в самом деле не радость. Но не могу же, черт возьми, я ее удочерить! Есть у меня дела и поважнее... – Я рада нашему знакомству, Алексей. Правда, рада. И слушать умеете, и со старухами разговаривать.

Я заверил Корнееву, что рад ничуть не меньше, добавил, что просто обожаю умных девчонок за шестьдесят – что, кстати, было чистой правдой! – но дела, дела...

Расстались мы с моей новой знакомой там же, где и встретились – в музее. Я получил назад свою паспортину великоросса, оставил Корнеевой номер телефона и предложил звонить

в любое время, коли возникнет надобность или просто желание перемолвиться с кем-то словечком.

Еще через пару часов я, уставший до чертиков, завалился спать в своем купе. Потом было утро, вокзал, такси и мой дом, слава богу, путешествие закончилось благополучно! Никто и нигде меня не заподозрил, не обыскивал и не огорчал. Но, честно говоря, огорчить меня было бы трудновато – даже при обыске нашей доблестной полиции вряд ли удалось бы найти в моем скромном багаже что-либо криминальное. Опыт, как говорят работяги, не пропьешь...

Корнеева мне позвонила на следующий же день – благодарила за цветы и маленький бонус, полученные после нашего расставания. Да, иногда на меня накатывают легкие приступы филантропии: перед тем как сесть в поезд, я купил цветы, продуктовый набор из не самых дешевых деликатесов и договорился о доставке покупок по указанному адресу. Молодцы, девочки, – не обманули. Мне не очень дорого это стоило, а даме приятно. Умный человек никогда не плюет в колодец – жизнь ведь длинная, мало ли когда свежей водички попить захочется...

Глава четвертая

Москва, август 2016 года

Первым делом я, конечно, занялся «наганом» – надо же удостовериться, что оружие в полном порядке и вполне стоит тех денег, которые за этот раритет отданы. Расстелив на столе чистую фланелевую тряпицу, разложил инструменты, масленку, ветошь и приступил к осмотру. Слава богу, снаружи ни единого дефекта мне обнаружить не удалось – все на месте, все в отличном состоянии.

Тогда я вооружился отверткой и аккуратно разобрал револьвер. Все части боевого механизма оказались в наличии и даже не имели ни малейших намеков на ржавчину – что, в принципе, слегка удивляло, поскольку хранился «наган» все-таки в женских руках, и вряд ли Корнеева периодически чистила и смазывала свой «пистолет». Однако факт, что называется, налицо: оружие было в прекрасном состоянии – хоть сейчас на стрельбище. Хм, или, учитывая специфику службы бывшего хозяина «нагана», в подвалы Лубянки. Да, шутка, пожалуй, глупая и совсем не смешная.

Я развернул револьвер стволом к себе и несколько мгновений смотрел в черный глазок, из которого когда-то вылетали пули. Ощущение, скажем прямо, не из самых приятных. Что чувствовали люди, в последние секунды жизни заглядывая в эту жутковатую темноту ствола? И чем для них был этот черный кружок – началом некоего туннеля, ведущего в другое измерение, в другую жизнь? Или чертой, той самой пресловутой точкой, за которой уже нет ничего – только могильный холод и вечная темнота? Да что гадать – у них уже не спросишь... Теперь все аккуратно смазываем и вновь собираем изделие тульских мастеров. Ладно, с «железом» разобрались – пора бы, пожалуй, и в дневничок нашего чекиста-пролетария заглянуть!

Хотя руки и чесались поскорее полистать ветхий фолиант, спешить я не стал. Для начала, пожалуй, следует выпить кофейку, выкурить сигаретку, да и стопочка коньячка, думаю, не подгадит! А уж потом, с чувством, с толком, с расстановкой...

Я неспешно прихлебывал из кружки, искоса посматривая на стол, на котором лежала пухлая потрепанная тетрадь. Сейчас приступим и посмотрим, действительно ли эти записи стоят тех рубликов, которые я за них отсчитал моей новой знакомой девушке слегка под восемьдесят.

О старом письменном столе времен лучшего друга коллекционеров я уже упоминал. Есть у меня маленькие слабости – и одна из них сподвигла на сооружение уютного уголка, в котором и оказался двухтумбовый монстр со столешницей, обтянутой зеленым сукном, примерно тех же времен книжный шкаф, набитый как интересной, так и полезной литературой, и кожаное кресло – как раз то самое, что некогда именовалось «вольтеровским». Осталось добавить, что на столе расположились лампа под зеленым абажуром, письменный прибор и даже тяжеленькое пресс-папье – естественно, все эти вещи имели весьма почтенный возраст.

Дневник товарища Дергачева, лежащий на зеленом фоне в круге золотисто-желтоватого света, исходящего от старинной лампы, выглядел очень даже органично, словно попал в кружок давних хороших знакомых. Да, вполне возможно, этот стол не раз видел и картонные папочки с надписью «Дело» и чернильными штампами вроде «для служебного пользования» или «совершенно секретно». Жизнь-то у моего деревянного друга была долгой и наверняка насыщенной.

Что там Корнеева на прощание поведала? Вроде как дневничок ей оставил дальний родственник году примерно в пятьдесят шестом. Знаменательный годок-то – именно тогда Хрущев и прочел свой знаменитый доклад XX съезду КПСС, в котором расписал злодеяния Сталина и его компании и развенчал культ личности. Уж не горела ли под ногами бабулиного родственничка земля? В те дни ведь многие чекисты ох как неуютно себя чувствовали! Может быть, крепко прижали хвост мужику или вовсе к стенке поставили, поэтому и не вернулся за архивом

и «наганом», как обещал? Вот чует мое циничное сердце, что родня для Анны свет Георгиевны, скорее всего, была не такой уж и далекой. Ладно, не будем загадывать. Итак, открываем и начинаем читать корявенькие строчки, написанные далеко не каллиграфическим почерком...

Матвей Федотов Дергачев. Дневник.

1921 год, сентября 14-го дня.

Теперь я не Матюха, не Матвейка, а Матвей Федотов Дергачев, коммунар и сознательный боец. Часть наша особого назначения и даже секретная. Так и называется – ЧОН. Вот, решил я завести дневник, чтоб рассказывать о жизни моей и о нашей героической борьбе с бандитами и всякой контрой. Это мне наш комиссар, товарищ Бернштейн, посоветовал – для повышения грамотности и вообще для развития. Потому как я к отцу Василию в церковно-приходскую школу евоиную только две зимы и отходил. Ох, и лупил же он нас! Командиры у нас хорошие, только комиссар страсть какой строгий – глазами так и зыркает. А недавно и вовсе хотел расстрелять моего товарища Игната Хрякова. Тот на посту приснул маленько. Товарищи мои меня все уважают. Это, можно сказать, мне даже и приятно. Как родитель мой, Федот Миронович, бывало, говаривал: береги, мол, Матюха, честь фамилии смолоду, обгадишься в парнях – опосля во всю жизнь не отмоешься. Эх, батя, батя, вспоминаю тебя частенько. Вроде как иногда и скучаю даже. А Семка Курдюмов меня не уважает и все насмешки строит. А я уже два года как комсомолец и банду Ванечки Черного брал. И мне даже обидно за такое бывает. Говорят, скоро нас совсем в Красную армию всех заберут, а там английские ботинки на медных гвоздиках и с обмотками и в щах мясо каждый день. Эх, ажно живот заныл, как подумал. Не буду об щах писать – есть уж больно хочется. А так-то мне служба сильно даже нравится. Мне бы вот еще такой картуз кожаный, как у товарища Бернштейна, – сильно мне глянется, как на нем звезда красная сверкает...

Да, Матвей Федотович, это, конечно, не Остромирово Евангелие и даже не «Апостол», выпущенный в 1564 году первопечатником Федоровым и его сотоварищем Петром Мстиславцем. Но все равно вещь невероятно интересная. Сколько времени прошло – теперь, скорее всего, и могил-то Игната, Сеньки и остальных уже не найдешь. А я сижу и листаю каким-то чудом уцелевшие «хроники смутного времени». Спасибо отцу Василию, что научил-таки пацанов грамоте, наверное, не раз мальчишкам по рукам линейкой попадало, да и вихрам, пожалуй, крепко доставалось! Ладно, посмотрим, чем же там дальше занимался наш товарищ Дергачев...

1922 год. Июль месяц.

Давно не писал в свою тетрадь. Да, можно сказать, совсем про нее и забыл, потому как делов было много и событий разных тоже. Громили мы банды, гоняли их по всей губернии и даже по соседним операции проводили. В смычке с товарищами из ГубЧК и с милицией тоже. Я все таким же макарком служу в ЧОН. В Красную армию нас пока не переводят, как обещались. Не время, говорят, кому-то еще надо и с бандитами до полного искоренения и истребления хлестаться. Это мы понимаем – офицеры и буржуям, да кулакам всяким все равно салазки загнем! Потому как не можно иначе никак, чтоб снова на бар хребет гнуть... А так я сильно хотел бы в красные командиры выучиться, и вообще в люди выйти. Чтоб и галифе, и портупей, и все такое. Оно хорошо бы и в нашу героическую красную конницу, но там мне никак нельзя, потому как нутро у меня для скачки и тряски не приспособленное. Если только на тачанке... А бандитов мы побили ужаси сколько – и не сосчитать! Но и они наших ой как много порешили, порубали и страшными муками замучили. Которых комбедовцев с обреза постреляют, которых живьем пожгут, а есть и совсем страшные дела – это когда брюхо распарывают и землей да зерном набивают! Мол, жрите, голопузые, досыти землицы да хле-

бушка нашего! Или пилой напололам живых пилют. И нет им за это нашего пролетарского прощенья – всех гадов до одного изведем! Чтоб и на земле ни одной сволочи кулацкой не осталось! Хотел еще про героического командарма Тухачевского расписать, но это потом как-нибудь. А он, как нам комиссар рассказывал, прошлым летом крепко на Тамбовщине всей этой контрреволюции хвост прижал...

Все верно, командарм Тухачевский летом двадцать первого хорошо погулял по Тамбовщине! И заложников расстреливал, и артиллерией села громил, и даже авиацию задействовал. К августу двадцать первого восстание крестьян в основном было подавлено – разве что мелкие отряды и группы еще по лесам прятались, партизанили. Чекисты, если мне память не изменяет, летом двадцать второго и самого Антонова достали: в какой-то деревне обложили и взять хотели. Тот долго отстреливался – до тех пор, пока чекисты дом не подпалили. А когда крестьянский атаман из окошка выпрыгнул, товарищи из ЧК его и положили – нашлась и для неуловимого борца с большевиками блестящая пуля. Или Антонова милиционеры брали? Да какая, к черту, теперь разница – важно то, что товарищи из органов к тому времени уже туго свое дело знали! Всерьез захотели найти – нашли.

Да, ребята, теперь сам дьявол не разберет, кто у вас там был прав, кто виноват! Что у красных, что у белых и всяких там зеленых – у всех руки были в крови! И, пожалуй, даже не по локоть, а по самые что ни на есть плечи. Как там у классиков? Вроде бы Бунин в своих «Окаянных днях» Татищева цитировал: «Брат на брата, сыневе против отцев, рабы на господ, друг другу ищут умертвить единого ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достояния лишить, не ведущие, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день возрыдает...» А вот это точно: потом многие из победителей «возрыдали» – в том числе и красный маршал Тухачевский!

Что у нас там дальше? Ага, снова двадцать второй – только уже дело к осени...

1922 год. 19 августа.

Тут такие дела были, что не знаю, как и рассказать-то. В общем, товарищам из ГПУ стало известно, что на дальнем хуторе банда Кравцова прячется, которые на прошлой неделе в Семеновке двух ихних товарищей зверски изничтожили. А они к бандитам на переговоры приходили – по-честному, чтоб банда сдалась и крови лишней не было. А кравцовцы обманом их и убили. В общем, наш ЧОН вроде как по тревоге подняли и с чекистами туда. Окружили мы хутор, постреляли маленько. А потом один чекист как бросит бомбу! Ну, и начали они сдаваться – мол, выходим, не стреляйте! А один к коновязи метнулся и на коня. Товарищ комиссар с «нагана» вдарил, да мимо, а тут у его и патроны кончились. Сует это он новые в барабан и кричит, мол, стреляй, Дергачев, а то уйдет контра! Я с винтаря приладился, да и пальнул. Беглый, как куль, об землю с маху-то и саданулся. А потом сбегал я посмотреть, а там...

Да, чего-то подобного и следовало ожидать – раз уж у вас там шла такая резня. Вот уж действительно, брат на брата! И ищут наши братцы, как бы друг друга половчее шашкой до пояса располовинить или из «маузера» пулю в лоб влить. Вот и открыл свой личный счет доблестный чоновец Матвейка Дергачев. Хотя, скорее всего, уже и до этого боя приходилось парню по живым людям стрелять, а не только по нарисованным на мишенях силуэтам – бойцы ЧОН, в содружестве с милицией и ЧК, ведь отнюдь не вышивкой крестиком занимались!

...а там Данилка, дружок-то мой! Прямо сердце мое все замлело и кровью, можно сказать, облилось. А товарищ Бернштейн как прознал про это положение, так как есть все прояснил: мол, к врагам нашим надо всякую жалость с корнем. Ты, говорит, Семеновку вспомни,

как они наших товарищей измордовали. И если контра не сдастся, то надо кончать их без раздумий. Еще он сказал, что даже сам товарищ Ленин приказал вести беспощадную войну против кулаков! Оно все, конечно, точно и правильно, вот только Данилку все равно как-то жалко. Дурак он – к бандитам привалился. А батька и вся семья ихняя как есть самая ведь бедняцкая была! Какой же он кулак – дурак и есть...

Так, дальше что-то очень неразборчиво, часть текста чем-то залита, все расплылось, да к тому же, видимо, и листы вырваны. Это вы, Матвей Федотович, зря – попробуй теперь разберись в этих кляксах да пятнах. Ага, вот слова «красная присяга» хорошо читаются! Дальше есть аббревиатура – это, скорее всего, «РККА». Получается, все-таки приняли нашего красавца в Рабоче-крестьянскую Красную армию. И сколько же ты там прослужил и как потом в ЧК попал? Теперь уже точно не узнаешь, может быть, и комиссовали. Ну, это вряд ли. Просто, помнится, к двадцать пятому году было большое сокращение в армии – вот Матвея в ЧК и взяли. Как проверенного и преданного делу революции бойца! Скорее всего, так оно и было. В дневнике же большой пробел – следующая запись датирована уже двадцать пятым годом, да еще и с приписочкой, значащей, что служил Дергачев уже никак не в армии, а в ОГПУ.

1925 год. 29 марта. ОГПУ.

Вчера был у тов. Медведева – насчет службы и все такое. А потом мы обыск делали у нэпмана одного. Пришла информация, что он золотом и валютой промышляет и связан с подпольем белогвардейским. А конкретно – с РОВСом врангелевским. Пришли, ордер предъявили – в общем, все как положено. Сразу видно – из бывших господинок, из благородных. Горничная у него – прислуга, то есть. И сам он чистенький, сука, одеколоном аж за версту несет. И смотрит он это на меня и морищится – как на вошь какую. Быдло мы для них, значит. Вот ведь как получается: буржуев, офицеры, попов вроде сковырнули, а новых гадов наплодили. И вот такая там на меня обида и прям ненависть нашла, что вот вытащил бы из кобуры «наган» и пострелял бы их всех, к чертовой матери! Только оружия у меня не было – не выдали еще... Я с малолетства в грязной избенке жил – зимой так и вместе со скотиной. Вонь, теснотища, виш, папаша пьяный матку смертным боем бьет! А эти в пяти комнатах с паркетом кофий с фарфора попивали и на музыках брэнчали. Прачки у них, кухарки, горничные. А у меня теленок в углу дерьмо месил, а жрали мы свинячью картошку из чугуна грязного! Так что – по новой теперь?! А для чего тогда вообще революцию делали, в Гражданскую насмерть бились?! И теперь все псу под хвост? Эх, товарищ Ленин, рановато ты помер, ох, рановато. Можно даже сказать, проявил полную несознательность...

«Картина ясная: Одесса красная! И с той Одессой нам не по пути!» Кажется, так пел налетчик Папондопуло в старой советской комедии. Так и здесь – многим в те годы НЭП поперек горла стоял. Точнее, конечно, стояла, поскольку все-таки «политика», но в мужском роде все же как-то привычнее и проще. Тогда некоторые большевики и красные командиры даже стрелялись, не в силах пережить «сдачу кровью завоеванных позиций и явное отступление в деле мировой революции». То, что НЭП был стране жизненно необходим, они понимать отказывались. Так ведь и понять их можно – как и моего Матвея. Паренек только-только из вонючей избенки выбрался, за новую жизнь сражался, в светлое будущее поверил, а тут нате вам – снова буржуи «кофий с фарфора» хлещут-с!

Однако повзрослел мальчонка, поднахватался – и про паркет в курсе, и о фарфоре знает, и прочие мудреные слова выучил. Сколько ему в двадцать пятом-то было – двадцать один, двадцать два? Впрочем, современные мерки тут явно не годятся – тот же Аркадий Гайдар в четырнадцать вступил в партию большевиков, а в семнадцать уже полком командовал! Важнее другое: судя по всему, с пролетарской сознательностью и с ненавистью к врагам революции у

товарища Дергачева полный порядок. Классовая ненависть и сознательность, пожалуй, именно эти качества и были наиболее востребованными в органах двадцатых.

Значит, все-таки ОГПУ. Под руководством все того же отца – основателя ВЧК товарища Дзержинского. Дело которого, начиная с двадцать шестого, продолжил не менее «железный» и толковый Вячеслав Менжинский. Забавно, но оба были поляками дворянского происхождения. Да и леший с ними, мне сейчас гораздо интереснее, как складывалась карьера моего Матвеевского!

Я всмотрелся в маленькую фотографию Дергачева – вероятно, снимок предназначался для удостоверения или еще какого-нибудь официоза. Ничего особенного – совершенно обычное русское лицо: худощавый, черты правильные, высокий чистый лоб, густые светло-русые волосы зачесаны назад. Глаза умные, честно говоря, хорошие глаза. Взгляд, естественно, строгий – как и положено для серьезного документа.

Я листал страницы дневника, читал записи, с любопытством просматривал вклеенные вырезки из газет, и передо мной постепенно вырисовывались картинки теперь уже такого далекого прошлого. Почему-то картины были черно-белыми и больше всего напоминали старую кинохронику, запечатлевшую события, панорамы городских улиц, людей – все то, что давным-давно ушло, изменилось до неузнаваемости и никогда уже не вернется. Причем эта «кинохроника» не имела ничего общего с фильмами времен «великого немого» – в моем кино звучали голоса, музыка и множество других звуков, включая и топот копыт, и грохот тачанок, и многоголосие выстрелов. В какие-то мгновения мне даже грезилось, что я вполне отчетливо чувствую запахи той эпохи: сладковатый чад махорочного дыма смешивался с крепким духом солдатского пота и сапог, теплый аромат оружейной смазки сопровождался кисло-тухлой пороховой вонью, и над всем этим «революционным букетом» незримо царствовал душно-солончатый запах свежей крови...

Глава пятая

Воронежская губерния, осень 1918 года

Хлеб надо достать во что бы то ни стало. Если нельзя взять хлеб у деревенской буржуазии обычными средствами, то надо взять его силой... Борьба за хлеб теперь означает борьбу против контрреволюции... борьбу за Советскую власть, за социализм! Не забывайте же об этом... и, не колеблясь, немедленно открывайте беспощадную борьбу с кулаками, мародерами, спекулянтами и дезорганизаторами за хлеб!

Председатель Совнаркома В. Ульянов (Ленин).

Наркомпрод Цюрупа.

Декреты Советской власти.

17 марта – 10 июля 1918 г.

Год тысяча девятьсот восемнадцатый для молодой Советской республики выдался невероятно трудным. Разруха, вызванная, прежде всего, Первой мировой войной, породила множество проблем для всех народов бывшей Российской империи.

Над городами навис безжалостный призрак голода, а села и деревни кроме хлеба питались массой самых разнообразных слухов и все еще никак не могли толком определиться, кого же им поддерживать – красных или все-таки белых.

В числе многих новых слов, рожденных новыми временами, было и короткое «чека», которое, пожалуй, слышал и прекрасно понимал каждый. И лишь для немногих аббревиатура ВЧК означала новую, совершенно необходимую для молодой республики организацию, целью которой была беспощадная борьба с контрой. Для всех остальных ЧК чаще всего звучало пугающе и очень быстро стало синонимом чего-то невероятно страшного и смертельно опасного...

Впервые о ВЧК Матвей услышал осенью восемнадцатого. И не только услышал, но и увидел своими глазами то, чего пятнадцатилетнему пацану, пожалуй, и видеть не стоило бы. Он хорошо помнил, как в село на пяти подводах прибыл продотряд – человек двенадцать с винтовками. Как водится, продотрядовцы обшарили все дворы и закрома более или менее зажиточных мужиков, выскивая припрятанное зерно и прочие припасы. Хотя в Рябиновке особо богатых, считай, никогда и не было, – исключая разве что отца Василия, священника местной церквушки. Хозяином отец Василий был рачительным, справным, да и приход худо-бедно приносил немало копеечек, складывавшихся в полновесные рубли.

Вот у священника-то кое-что припрятанное и нашли – и не только зерно. По селу побежал, ширясь и обрастая все новыми подробностями, слухок: оказывается, отец Василий прятал двух раненых бандитов и оружие! На следующий же день в село примчались трое молчаливых товарищей из ГубЧК, вероятно, вызванных комиссаром продотряда.

Матвей вместе с закадычным дружкой Данилкой, сторая от мальчишеского любопытства, из-за угла сарая наблюдали, как батюшку и еле ковылявших бандитов раздели до исподнего и поставили у выщербленной стены на задах церкви. Главный из чекистов что-то негромко сказал, а потом выстроившиеся в шеренгу продотрядовцы дали гулкой залп из винтовок.

Матвея поразили будничность и суровая деловитость, с которой на его глазах вот так запросто убили троих человек. Бандиты были ему незнакомы, но отец-то Василий, еще совсем недавно крестивший и причащавший прихожан, учивший в церковно-приходской школе ребятшек грамоте, был своим и вроде бы не был похож на тех, кто, по слухам, зверски убивал продотрядовцев и комбедовцев. Вот только что был живой человек, а через минуту он дерга-

ется от выстрела, тяжелым снопом заваливается на бок и утыкается лицом в сухую жесткую траву. На грязноватой белой рубашке медленно расплываются темно-алые пятна, а по мертвому, еще теплому лицу уже бегут неведомо откуда взявшиеся суетливые муравьи...

Но история на этом отнюдь не закончилась. Тем же вечером Матвей, стараясь никому не попасться на глаза, пробрался к задкам поповского дома. Цель вылазки была проста: когда они с Данилкой крутились вокруг продотрядовцев, заметил Матвей на стене сарая железный костыль. А на костыле висела, чуть поблескивая медными заклепками, почти новая лошадиная уздечка – вот ее-то мальчонка и намеревался экспроприировать. То есть попросту стащить. А что, прикидывал Матвей, отцу Василию она теперь все равно без надобности, а нам эта красота вполне в хозяйстве стодится! Красть, конечно, грешно, но больно уж хороша была уздечка.

Мальчонка подкрался к поповскому сенному сараю и настороженно прислушался – вроде тихо и поблизости нет никого. Матвей сделал шаг-другой вдоль стены и замер, похоже, в сарае кто-то был. Сначала он услышал тихий утробный не то плач, не то вой, показавшийся странно знакомым, почти так же завывала мамка после очередной крепкой выволочки от папаша. Матвей опасливо оглянулся и прильнул к широкой щели между бревнами. Первое, что он увидел, были бесстыдно заголившиеся женские ноги, белевшие на серо-зеленом ворохе сложенного в углу сена. Затем мелькнула полная рука, пытавшаяся хоть как-то прикрыть лоскутьями разорванной одежды тяжело колыхавшиеся полные груди, запятнанные следами крови, скорее всего, из разбитого носа.

Матвей стыдливо отвел взгляд, но тут же неведомая сила заставила его снова жадно прильнуть к щели. Но на этот раз он уже почти ничего не увидел – поповна, все так же подвывая на одной длинной тоскливой ноте, подтянула ноги к животу и повернулась к стене сенника широкой спиной. Паренек тяжело сглотнул, снова воровато оглянулся и, тихо ступая, быстро пошел прочь – подальше от страшного места.

«Грех-то какой! – по дороге домой размышлял Матвей. – Ой, как нехорошо-то... Видно, кто-то решил попользоваться, коли уж батюшку зорить начали. Из наших парней кто? Или из этих, которые с комиссаром приехали? Может, надо главному чекисту все обсказать? Сбежать, что ли? Нет, боязно, а вдруг он сам это своим и приказал? Тем, которые в кожаных куртках? Да не, вроде такой строгий, самостоятельный мужик... Ладно, завтра схожу, тогда все и раз узнаю! Посмотрим, что в селе говорить станут – бабы, чай, сразу все разнохают, да как сороки и разнесут! Ой, а девку-то как жалко – Настасья хорошая, не ругалась никогда. И красивая... Только кому она теперь надо-то будет – порченная! Ой, беда, беда...»

На следующий день по селу поползли страшные и не очень понятные слухи. Матвею толком не удалось ничего разузнать, и он все никак не мог решить: то ли пойти рассказать все командиру продотрядовцев или чекисту, то ли благоразумно держать язык за зубами. В конце концов, парнишка решил хотя бы издали посмотреть, как и что там творится и о чем толкуют сами бойцы. Там-то Матвей и увидел, чем закончилась эта мутная история с поповной Настенной...

Командир, мрачный и злой – совсем как Матвейкин папаша после пьянки, – прохаживался перед строем и, помогая себе энергичными рубящими жестами, что-то вычитывал своим подчиненным. Чекисты молчком маячили чуть в стороне. Матвей потихоньку подобрался поближе – было страсть как интересно, о чем же толкует комиссар.

– Товарищи бойцы! Вчера одним из вас было совершено преступление. А именно: была изнасилована поповна – дочь отца Василия. Этот случай грязным пятном ложится на весь наш отряд! На все дело революции! Мы воюем с врагами нашей народной власти, а не с бабами и девками. И мы никому не позволим творить произвол и настраивать народ против новой власти!

– Да подумашь, поповская девка! – подал голос один из бойцов. – Ей небось еще и понравилось!

– Хаханьки мне тут будете строить? – Командир недобро потемнел лицом и сквозь зубы процедил: – Между прочим, ей это так понравилось, что бабы ее из петли вынули – мертвую и уже холодную. А мамаша ее, кажись, маленько умом тронулась! Весело вам? Сейчас еще веселей будет! Боец Сивко, выйти из строя! Сдать оружие! Ты, зараза такая, что ж думал, что никто ничего не узнает? Нет, мил дружок, это деревня – тут в одном конце чихнул, а с другого уже тебе про здоровье кричат. Бабы, они все видят и знают! И тебя, сволочь ты такая, видели! И как ты на двор поповский прокрался, и как поповну в сарай ташил... Не боец ты доблестного красного отряда, а самая настоящая контра! И вреда от таких, как ты, больше, чем от любого белого офицера, из-за вас, гнид, нас народ бояться и ненавидеть начинает! Шлепнул бы я тебя самолично, да закон не позволяет. Но, думаю, и так недолго тебе осталось – трибунал за такое по головке тоже не погладит. Там тебе быстро... – Он сердито потряс кулаком, прерывая свою речь, несомненно, призванную охладить и вразумить некоторые горячие головы, затем повернулся к чекистам и подчеркнуто уважительно обратился к главному: – Товарищ Манусевич, можете забирать этого гада!

Все это время Сивко, понурился, стоял перед строем. Время от времени он вскидывал глаза и тоскливым взглядом обводил своих товарищей по отряду, возможно, надеялся увидеть хоть какое-то подобие сочувствия. Напрасно – большинство бойцов старались попросту не встречаться глазами с провинившимся.

Когда один из чекистов молча тронул Сивко за рукав и кивнул куда-то в сторону, губы бойца вдруг некрасиво скривились, подбородок затрясся, и из глаз побежали самые настоящие крупные слезы. Неожиданно мужик грохнулся на колени и срывающимся голосом, наверное, все еще на что-то надеясь, запричитал:

– Братцы, простите! Бес попутал, ей-богу... Да я больше ни в жисть! Братцы, пожалейте! Я же свой...

– Кончай цирк! – негромко приказал чекист и слегка пнул арестованного носком сапога. – Тоже мне, Чинизелли, мать твою... Свой он... Вот с попом скоро встретишься – с ним и посво-якаешься. Да шевелись ты, сука!

Матвей прикинул, что же может ждать этого Сивко в ЧК, – по-любому получалось, что ничего хорошего.

– Шлепнут гада товарищи! Всенепременно шлепнут, – удовлетворенно кивнул парнишка, потихоньку убрался с места импровизированного судилища и нехотя побрел домой.

Вечером отец долго курил, окутываясь сизым махорочным дымом, тяжело откашливался и матерился вполголоса. Потом оценивающе посмотрел на Матвея и многозначительно заявил:

– Видел? Небось с дружкой своим все там облазили-проверили, знаю я вас! Во как нынче: без разговоров к стенке, и весь сказ. Был батюшка – и нет его! Как собаку какую... Потому как новая власть. Сейчас у красных самая сила! А у кого сила, тот всегда в сапогах и с выпивкой-закуской, понял? То-то же! К красным тебе прибаваться надо. Вот еще годок дома побудешь, на шее моей посидишь, а там и с богом – в город поедешь! Может, к делу какому и определишься... Нынче уж куда соваться-то – зима на носу. Вот весной отеемся, потом сенокос, опять же, уборка – поможешь! Ну, а опосля уборки и дуй аж в самый Воронеж – держать не стану...

Глава шестая

Воронежская губерния, Отрожские мастерские, август 1921 года

После многолетней войны у нас (да и во всем мире) разруха, расстройство в народном хозяйстве, голод и обнищание. Где выход из положения?

Газета «Беднота».

Издание ЦК РКП (б).

1 июня 1921 года

– Ешь давай, пролетарий! А отошл-то, не приведи господь! – Федот Миронович недовольно хмыкнул и кивком указал на холщовую тряпицу, расстеленную на траве. На импровизированной скатерке темнела половина краюхи хлеба, солидный шматок сала и большая луковица, весело отсвечивающая красновато-золотистым боком. – Что, не балуют вас харчами? Как же вы тогда работаете? Эх, пролетарии, мать вашу в душу...

– Да так и работаем, папаша. – Матвей, стараясь не терять солидности, деликатно прихватил ноздреватый ломоть пахучего хлеба, сверху положил пластик сала и, жмурясь от удовольствия, отхватил зубами чуть ли не половину. Прикусил крепко присоленный кружочек луковицы и, не в силах оторвать взгляда от оставшейся краюхи, без особого интереса спросил: – А вы, смотрю, там не голодаете! Как сейчас в деревне-то нашей? Ну, и вообще?

– Да всяко бывает. – Отец выудил из внутреннего кармана потрепанного пиджака бутылку, зубами вытащил скрученную из тряпки пробку и сделал пару больших глотков. Шумно выдохнул, сплюнул и принялся скручивать сигарку. Прикурил с помощью самодельного кресала, затянулся, выдохнул облако махорочного дыма и повторил: – Да, по-всякому бывает. Я ж теперь в сельсовете – комбеды-то у нас давно распустили.

– Так это ж еще при мне было – в восемнадцатом, по-моему, в декабре, – с набитым ртом невнятно напомнил Матвей.

– Ну да, при тебе, верно. Так сейчас вовсе дела никуда! Вроде и белых прогнали, а что-то лучшего не видать. Опять же, банды – то одна, то другая! Эти-то еще хуже белых! В девятнадцатом через нас и Мамонтов пролетал с казаками своими, и этот... как же его... а, Шкуро! Так мы тогда всем сельсоветом заховались – только нас и видели! Так толку-то? Всю жизнь-то прятаться не будешь. Вот и получается: власть вроде и наша, а то одного подстреляют, то другого. Леонтия-то Устинова помнишь? Так прям за околицей и ухайдакали! Вдарили с обреза – и нет Леонтия. Меня вот пока Бог миловал... А так ничего живу – грех жалиться! И харчей хватает, и одежки всякой. Голова была б – хлеб и стакан завсегда при нас будут! Ты-то что делаешь? В комсомолию ихнюю вступил небось?

– Вступил, – важно кивнул Матвей и, не в силах преодолеть искушения, несмело спросил: – Папаша, я еще кусочек съем? Ничего?

– Да ешь, ешь, ничего... Вас-то бандиты не трогают, или как?

– Не, к нам не суются. – Матвей даже слегка приосанился, не забывая прикусывать от нового ломтя. – У нас в мастерских отряд – и винтовки, и даже пулемет есть, «Льюис» называется. Как влупит! А в самом Воронеже, говорят, красноармейцы какие-то есть, опять же милиция и ЧК – поди, сунься! Боятся. А так, по мелочи, гадят, суки, конечно. Наш отряд то туда пошлют, то сюда. И стрелять нам чуть не каждый день приходится! Так что, папаша, мы тут тоже не только вагоны и паровозы ремонтируем – кое-что и другое-прочее успеваем.

– Ну-ну, успевайте, – неопределенно усмехнулся Федот Миронович, снова отхлебнул из бутылки и покосился на сына: – Ты только голову дуром-то не подставляй! Где сзади притрись, где за телегой схоронись – авось и обойдется. Ты бы с главным вашим поговорил – вдруг куда в «чеку» али в милицию втиснуться можно? А еще лучше, в Красную армию – там командиры шибко важный народ, и на полном довольствии. Что ты тут грязь да мазут толкешь – в люди пробиваться надо, понял, ай нет?

– Да понял я, понял! Только, папаша, трудно это все. Туда ведь все больше партийные нужны! Вот еще раз с товарищем Бернштейном поговорю, может быть, что и выгорит.

– Вот-вот, и поговори с этим вашим. Народ они башковитый – не то что наши горлопаны. Авось и присоветует что. И в партию ихнюю вступай, коли так! Чует мое сердце, власть эта надолго. А тебе жить еще и жить. Так думай, шевелись, не жуй сопли! А то так и помрешь в портках дырявых да в ботинках драных, веревочкой подвязанных. Тьфу, глядеть тошно! – Отец достал кисет и, сосредоточенно посапывая, принялся скручивать новую сигарку. – Работашь-то ноне где? По плотничьей части, или как?

– Да как придется – куда пошлют, там и работаю, – устало отозвался Матвей. – В столярке оно, конечно, хорошо – дух там легкий, веселый. Но мне больше глянется с паровозами работать. Давеча бронепоезд пригоняли в починку – вот это сила! Одно слово, техника.

– Ну-ну, давай, – хмыкнул уже заметно нетрезвый Федот Миронович и, похлопывая по карманам, засобирился: – Пора мне! Ты хлеб-то заверни и с собой возьми, потом еще разок перекусишь. Да товарищев не надумай угощать – там и одному-то на полприкуса. Пойду я. Мне ведь еще в ихний уком партии надо, да и по лавкам поглядеть, прикупить кой-чего... Еще как-нибудь заскочу при оказии. А ты со своим этим поговори! Так, мол, и так, хочу в нашу доблестную Красную армию и в эту... в партию!

– Поговорю, папаша, непременно поговорю, – пообещал Матвей и, запихивая за пазуху сверток, добавил: – А вы там тоже поберегитесь насчет бандитов и кулачья всякого! Тревожно нынче в округе.

– Да ничего, проживем как-нибудь, с божьей помощью. Ну, все, бывай здоров, пошел я!

Матвей, неспешно отряхивая с потрепанных штанов мусор, проводил отца взглядом и заторопился в ремонтный цех. Он и предположить не мог, что эта их короткая встреча окажется последней. Через три недели к нему заглянет мужик из их села и, мрачно поглядывая в сторону, сообщит, что Федот Миронович «преставились, значит, и тому уж десять ден, как схоронены» на местном кладбище.

На все расспросы мужик лишь пожимал плечами и, пряча взгляд, бормотал что-то невнятное. В конце концов, Матвею с большим трудом удалось-таки выяснить следующее: погиб отец при весьма непонятных и мутных обстоятельствах. По словам односельчанина выходило, что Дергачев-старший в тот поздний вечер с кем-то пьянствовал. И этот кто-то, по-видимому, был Федоту Мироновичу хорошо знаком, поскольку, судя по всему, хозяин гостя ничуть не опасался. Значит, был кто-то из своих. Этот-то «свой» и хрястнул сельсоветчика топором – подошел сзади и... А потом и избу запалил, нашли в бурьяне бутылку из-под керосина. То ли у Мироновича в запасе была, то ли с собой, гад, принес. Готовился, значит. Правда, люди как-то быстро огонь заметили, пожар почти сразу потушили. Но Дергачев все же обгорел сильно, так в закрытом гробу и хоронили. На следующий день приезжали вроде бы из милиции или даже из самой ЧК, но концов никаких так и не нашли. «Погиб от бандитской руки», и весь сказ...

Матвей, получив страшное известие, помрачнел, на какое-то время притих и замкнулся. Но если бы у него прямо спросили, любил ли он отца, Дергачев-младший вряд ли нашелся бы, что ответить на этот, казалось бы, простой вопрос.

Конечно, с детства Матвейка знал, что родителей надо уважать и почитать – о чем не раз строго напоминал мальчишкам покойный отец Василий, – но это знание для паренька так

и осталось некоей абстракцией, не имеющей никакого отношения к по-настоящему теплым родственным отношениям.

Мать Матвейка, наверное, любил, но сейчас уже плохо ее помнил – матушку они с батей схоронили еще лет двенадцать назад. Причем обстоятельства смерти матери тоже, пожалуй, были для односельчан «мутными и не очень понятными». Считалось, что веселая и разбитная Маньша угорела в бане, да и убилась, сердешная, свалившись с высокого полка. Втихаря же бабы божились и уверяли, что «не иначе, как энтот ирод-вражина Маньку прибил!». Сплетни со временем поутихли, все забылось, но, как известно, дыма без огня не бывает. Матвей не раз видел, как отец по пьяному делу избивал мать чуть ли не до полусмерти – так что, в принципе, там все могло быть.

Дергачев пытался вспомнить об отце что-нибудь хорошее, стыдясь собственного почти равнодушия, даже пробовал заплакать, но у него так ничего и не получилось – лишь какая-то мрачная тяжесть ворочалась в душе. Вместо чего-то светлого и доброго, связанного с родителями, память услужливо подсовывала картину одного из давно, казалось бы, забытых вечеров – как раз из тех, когда папаша по-своему учил мать уму-разуму...

– Прибью паскуду! Сука блудливая... Тварюга! – С каждым восклицанием отец надсадно хакал и с силой вгонял носок грязного сапога в бессильно распластавшееся на полу тело матери. Поначалу она еще как-то пыталась отползти и по привычке спрятаться за громадой давно не беленной печки, но после нескольких тяжелых ударов обмякла и лишь слабо подвывала, руками прикрывая лицо. – На, с-сука, на!

– Не бей мамку! – раз за разом кричал Матвейка, но отец лишь отмахивался, как от назойливой осенней мухи, и продолжал избиение – и делал это так самозабвенно и по-крестьянски основательно, словно колол дрова или косил жесткую, неподатливую траву.

Потом все-таки выдохся, смачно плюнул в закрытое ладонями лицо матери и вернулся к столу, на котором стояла бутылка самогонки в окружении нехитрой закуски. Налил полный стакан мутноватой жидкости и выпил, тяжело двигая кадыком, задыхаясь и обливая спутанную бороду. Непослушными пальцами с обломанными ногтями подцепил горстку квашеной капусты и отправил в рот. Громко зачавкал, шлепая мокрыми губами, и, грозя пальцем неведомо кому, подытожил:

– Все равно укорот иделаю – не жить вам, суки...

Вот и папаше, получается, укорот какая-то сволочь сделала, мрачно размышлял Матвей, пытаясь хотя бы немного отмыть черные от мазута ладони – последние несколько дней он помогал мастерам ремонтировать загнанный в цех паровоз. И что получается, товарищ Дергачев? А получается то, что ты теперь как есть круглый сирота! Ни бабок, ни дядьев, ни теток – никого у тебя не осталось на этом свете. Да что теперь кручиниться-то – небось живут люди и так, без всякой родни. Ладно, не пропаду! А батя-то был прав: надо все-таки поговорить с товарищем Бернштейном! Мужик он умный, образованный, может, что путное и присоветует.

Глава седьмая

Воронежская губерния, июль 1922 года

Упрощение денежного обращения.

Согласно постановления Совнаркома РСФСР от 28 июня с. г., дензнаки прежних выпусков, т. е. образцов 1918–1921 гг., сохраняют свою силу только до 1 октября с. г., кроме расчетных знаков образца 1921 года 50.000 и 100.000 руб. достоинства, а также обязательств РСФСР образца 1921 г. достоинства в 1,5 и 10 миллионов рублей, имеющих хождение до 1 января 1923 года. После означенных сроков все указанные дензнаки в платежи и к обмену приниматься не будут и утрачивают право на хождение в обороте в качестве денег.

Газета «Правда», орган ЦК РКП (б).

19 июля 1922 года

Совершенно секретно. ГПУ. Воронежская губ.

(Госинфсводка, № 62, 4 июля, почтой.)

...Среди населения отмечается интерес к сельхозкооперациям. Самыми ходкими товарами являются соль, хлеб и смазочное масло. Товарообменный фонд незначителен. Продукты обмениваются на живой инвентарь – за лошадь дают 40 пудов хлеба.

«Тонн-тонн!» – самодельное било из обрезка старого рельса заплотило гудело и стонало, наполняя округу испугом и тревогой. Рабочие мастерских, зачисленные в чоновский отряд, торопливо бросали работу и спешили на зов, означавший срочный сбор и построение.

Минут через пять отряд коммунаров, вооруженный трехлинейками и устаревшими винтовками Бердана, был построен во дворе. Командир, молодой мужик с какой-то несерьезной фамилией Шулейкин, прошелся вдоль шеренги и объявил, что на Варваровском хуторе прячется банда Кравцова.

– В общем, товарищи из ГПУ просят нас помочь, – подытожил Шулейкин и, отобрав десятка полтора бойцов, приказал группе грузиться на подводы – три самые обычные крестьянские телеги уже поджидали в сторонке, а лошади, в них запряженные, равнодушно пофыркивали, отгоняя хвостами назойливых мух. Еще чуть дальше нетерпеливо поглядывали на коммунаров двое товарищей, только что прибывшие из Воронежского ГПУ. Чекисты восседали на легонькой бричке-линейке, да и лошади гостей выглядели более сытыми, гладкими и наверняка бежали порезвее, чем лошадки, доставшиеся чоновцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.